

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Булгарова Александра Ильича «Концепт человека в Московской антропологической школе», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Актуальность избранной темы

Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов.

Первый фактор. В мире нарастает борьба антропологических трендов. Первый тренд формируется в связи с развитием «умных технологий», в результате чего создается ситуация так называемого онтологического соблазна, характеризующегося тем, что человек испытывает желание перестать соответствовать своему предназначению и совершать онтологическое усилие быть, стремясь передать базовые работы и функции умным цифровым устройствам, то есть не быть. Эта ситуация характерна прежде всего для технологически развитых стран, относящихся к так называемой техногенной западной англосаксонской цивилизации. В этой цивилизации сформировался многовековой тренд технологического, шире, жизненного аутсорсинга, согласно которому человек все более и более передавал функции и работы орудиям, техническим устройствам. Но если на первых этапах этот аутсорсинг был вполне оправдан и объясним и человек передавал выполнение сложных технических работ орудиям и машинам, то в настоящее время, начиная с появления первых разработок искусственного интеллекта, человек допустил, что устройству можно передать не только рутинные работы, но и функции принятия решений, функции мышления, воображения и даже творчества. Тем самым постепенно, незаметно, из благих побуждений, в рамках технического прогресса, который всегда рассматривался как благо для человека, формируется ситуация, согласно которой человек как род выходит из поля активного действия и все более готов передать функции субъекта действия умному устройству, будучи

готовым отказаться осуществлять деятельностные функции, делающие его самим собой, тем самым человек не хочет быть самим собой, он им перестает быть. Пока этого не произошло, но тренд «ухода человека» обозначился и активно нарастает.

Этот тренд объясняется не технологиями, он работает в связи с базовой причиной – человек более не хочет брать на себя роль ответственного за мир и за себя, за другого, он перестает хотеть заботиться о мире и себе, он отказывается от онтологического принципа заботы быть.

В ответ на этот тренд ухода человека формируется другой тренд, менее сильный, но выраженный в ряде сфер жизнедеятельности. Это тренд, согласно которому происходит отказ от умных гаджетов, сопровождающийся запретом использовать гаджеты в детских садах и школах. Это тренд неоконсерватизма, выраженный в разных странах. Сторонники этого тренда объясняют свою позицию тем, что цифра влияет негативно на сознание детей и подростков, деструктивно влияет на память, воображение, когнитивные способности, формирует клиповое сознание, в результате формируется зависимость ребенка от виртуальной реальности и т.д. Тем не менее, несмотря на благие пожелания, этот тренд проигрывает первому, поскольку по понятным причинам никто не собирается отказываться от благ техногенной цивилизации, никто не откажется уже от гаджетов, цифровых услуг и проч. Технический прогресс нарастает и будет нарастать и далее, воплощаясь в тотальную виртуализацию и цифровизацию. Хотя все начиналось вполне безобидно. Никто не думал, что от первых каменных орудий человек рано или поздно перейдет к умной цифре.

Вместе с тем формируется третий тренд, сторонники которого полагают, что нет необходимости человеку превращаться в приложение к мобильному устройству и уходить в виртуал, но и отказываться от цифры тоже нет нужды. Человек должен ставить себе задачу овладения умной цифрой, перестать быть ей умным приложением, сохраняя базовый онтологический принцип заботы о себе и о мире, и тем самым не подчиняться умным

технологиям, а перестраивать интерфейс человека и машины, сохраняя за собой функции субъекта действия, рассматривая умное техническое устройство не как субъекта, а как помощника и ассистента. Этот тренд называется антропологической альтернативой первому и второму тренду, поскольку эти первые два тренда редуцируют человека либо до биологического существа, либо до функционального устройства, страдающего от умной техники. Только один принимает это как благо, а второй пытается ее запретить. Дело же заключается в том, чтобы вернуть человеку самого себя, преодолевая разного рода редукции человека.

Наиболее ожесточенно идет борьба между первым и третьим трендами. Один работает на уход человека и замену его постчеловеком (поскольку как техническое устройство, как машина, человек действительно проигрывает умной цифре, он не умеет так много и быстро считать и проделывать точные операции), другой – за сохранение человека, поскольку именно человек являет собой смысловую точку мира. Третий тренд наиболее выражен в странах и цивилизациях, в которых, с одной стороны, развита техническая сфера, с другой, сохраняются традиционные нравственные, культурные ценности и образцы.

В этой связи граница между ними пролегает не в сфере техники, а в сфере антропологии, эта граница прежде всего связана с антропологическим и онтологическим самоопределением, а не с тем, отказываться от техники и цифры или нет. Дело не в том, чтобы отказываться от техники, а в том, готов ли человек сохранять базовый принцип заботы о себе или нет, и какой интерфейс человек выстраивает с умной техникой, с техносферой, которую сам же и создал.

Это первый фактор актуальности данной темы исследования, связанный с формированием ситуации, в которой человек испытывает соблазн не быть.

Второй фактор актуальности связан с тем, что на этот вызов, связанный с нарастанием тренда ухода человека, необходимо как-то отвечать. И либо философы и гуманитарии отдаются полностью этому тренду и пытаются

обосновать соблазн ухода человека, как это делают представители пост- и трансгуманизма, либо вырабатывают концептуальный (и не только) ответ – вырабатывают основания для антропологической альтернативы этому тренду ухода.

В настоящее время таких попыток выработки концептуальных основ для антропологической альтернативы крайне мало, их почти нет. К ним можно отнести проект «практик себя» позднего М. Фуко, пытавшегося восстановить античный принцип заботы о себе (эпимелейа); концепцию синергийной антропологии С. С. Хоружего; концепцию антропологической навигации, разрабатываемую автором этих строк. И крайне важно в этой связи отметить, что Московская антропологическая школа – одна из немногих, которая активно вырабатывает свою, сугубо авторскую концепцию сингулярной антропологии, пафос и направленность которой также заключается в разработке оснований для антропологической альтернативы тренду ухода человека.

В этой связи попытка соискателя А. И. Булгарова всесторонне исследовать концептуальные основания идей, вырабатываемых Московской антропологической школой (далее – МАШ) во главе с ее основателем и лидером Ф. И. Гиренком, вызывает всяческую поддержку и сочувствие.

Третий фактор актуальности данной работы связан с тем, что фактически в России и в мире почти нет собственно философских антропологических школ. В России, пожалуй, такая одна, Московская антропологическая школа. Так случилось, что на мировом антропологическом поле играют многие и разные глубокие, интересные авторы, исследователи, философы, предлагающие в том числе продвинутые концепции. Но философско-антропологических школ у нас просто нет. Фактически, антропологический горизонт как бы сплюснулся, люди, разные авторы, рассеялись, рассыпались по своим квартирам. И собирать идеи и людей приходится по крупинкам. То, что сложилось в МГУ на философском

факультете авторская антропологическая школа – это явление, это отрадное событие, требующее своего специального исследования.

Тем самым, актуальность исследования связана как с ситуацией человека, которую можно описать как ситуацию онтологического соблазна не быть, уйти из мира, уступив место постчеловеку, так и с концептуальным дефицитом, сложившимся в современной антропологической мысли в ответ на сложившуюся ситуацию.

Постановка проблемы автором

Соискатель А. И. Булгаров вполне обоснованно именно так и ставит проблему. Он полагает, что радикальность перемен, происходящих в мире и в жизни человека, требует и радикального ответа. Катастрофичность положения человека, чреватая его гибелью, требует такого же честного радикального ответного отзыва. Концепция МАШ предлагает такой ответ, действительно по своей формулировке радикальный. Именно концепция «человека грезящего» как концепция человека самого по себе и может указать, полагают авторы МАШ, новый горизонт для человека и избежать катастрофы – гибели и искоренения человека, преодоления господства техники над ним.

Степень научной разработанности темы и освоение их соискателем

Итак, собственно предметом данного исследования является концепция человека, вырабатываемая в рамках Московской антропологической школы в лице таких авторов, как Ф. И. Гиренок (человек грезящий), Н. Н. Ростова (антропология формы или человек литургический).

Соискатель А. И. Булгаров показывает глубокое и детальное знание работ авторов, представителей МАШ. Также в исследовании проводится сравнение работ МАШ с работами других исследователей, представителей философско-антропологической мысли, как предшественников, так и современных авторов.

К числу предшественников, которых МАШ относит к своим сторонникам, соискатель относит представителей русской религиозной философии, противостоящих идеям ухода человека, идеям техногенной цивилизации и выступавших против господства техники, таких как Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Б. П. Вышестлавцев, В. Ф. Эрн. А. Ф. Лосев и др.

Также соискатель называет имена отечественных авторов, в работах которых разрабатывались идеи, лежащие в основании выработки выше названной антропологической альтернативы. Это такие авторы, как Э. В. Ильенков, М. К. Мамардашвили, В. П. Зинченко и др., работы и идеи которых необходимо учитывать, полагает соискатель, для понимания современной ситуации человека и осмысления существа предлагаемой МАШ концепции.

А. И. Булгаров вполне обоснованно относит концепцию МАШ к так называемой неклассической антропологической парадигме. В этой связи он уделяет отдельное внимание и другим попыткам современных философов, связанных с выработкой своих концепций в русле неклассической антропологии. К такому соискатель относит работы С. С. Хоружего, С. А. Смирнова, В. Г. Буданова.

Также для описания истории вопроса соискатель привлекает классические работы авторов, чьи идеи можно рассматривать как пропедевтику к выработке оснований для выработки в целом концепции антропологической альтернативы. Это такие авторы, как М. Хайдеггер, М. Бубер и др.

Отдельным философом в этом ряду стоит И. Кант, которого лидер МАШ Ф. И. Гиренок относит к числу принципиальных авторов, обозначивших первый антропологический поворот в истории философии, поворот от метафизики к антропологии. Фактически, как полагает А. И. Булгаров, в истории антропологического дискурса были совершены два поворота. Первый связан с именем И. Канта, а второй связан с именем Ф. И. Гиренка.

Принципиальность и радикальность такого суждения заслуживает отдельного разбора, о чем будет сказано ниже.

В целом, как уже было сказано, соискатель демонстрирует детальное и глубокое знание предмета, концепции МАШ, а также всего антропологического контекста современной философии, что позволяет судить о том, что автор знаком с историей вопроса и может компетентно судить о ситуации в науке в части изучаемого вопроса и поставленной проблемы.

Исходя из выше описанной проблемы, соискатель поставил целью своего исследования следующее: определить истоки и пределы концепции человека, представленной МАШ, и прежде всего концепции ее основателя и лидера Ф. И. Гиренка.

В связи с поставленной целью соискатель формулирует ряд задач, таких, как определение характера новизны концепции МАШ, сопоставления ее с другими концепциями, вырабатываемыми в рамках неклассического антропологического дискурса, выявление их принципиального различия, предъявление смысла антропологического поворота, осуществляемого концепцией МАШ.

Степень обоснованности новизны и положений, выносимых на защиту

Специфика данного исследования связана с тем, что фактически его предметом является концепция МАШ, и через эту призму рассматривается и ситуация человека в мире. И в этой связи новизна исследования объясняется и новизной концепции МАШ. Последняя действительно представляет собой явление на фоне современного антропологического горизонта.

Фактически впервые в данном исследовании проведена детальная концептуальная инвентаризация проекта МАШ, особенно в лице идеи лидера Ф. И. Гиренка, на примере работ которого показана радикальная

антропологическая альтернатива. Подобного опыта пока в современной антропологической литературе не было. Это прецедент. Но с другой стороны, хотя это вполне отрадное событие, соискатель сильно рискует, поскольку он и совершает этот прецедент.

Впервые показан пример неклассического антропологического дискурса на примере концепции МАШ и предьявляется различие между существующими антропологическими концепциями и концепцией человека в МАШ.

Также показывается впервые различие антропологического поворота, который совершен в концепции МАШ и того, который в свое время был заявлен в работах И. Канта и далее в работах М. Хайдеггера.

Впервые показана детально концепция человека грезящего, в которой предьявлен пример радикального преодоления натурализма и объективизма так называемого классического научного дискурса и в целом натуралистической объектно ориентированной доктринальной парадигмы человека, до сих пор присутствующей в науке.

Показано, что представление о человеке как существе просто живом и разумном, требует не просто корректировке, оно просто в корне не верно. Человек здесь представлен как существо грезящее, существование которого определяется не законами природы и социума, а им самим, грезами самой самости человека, из его субъективности. В концепте МАШ вводится понятие-образ иллюзивной материи, состоящей из чувствования самого себя, собственного времени присутствия.

В связи с этим вводится различие двух сенсориумов – человеческого и животного. Первый есть чувствование в мире галлюцинаций, второй есть способ животного существования, общего для человека и животных в мире природы.

Галлюцинация понимается как самоощущение себя в мире образов, как способ концентрации, кристаллизации образов в мире субъективности,

способ, отличный от собственно логического, формального мышления, чему способствует продуктивная способность воображения.

В этом смысле грезы, галлюцинации понимаются в МАШ не как бред и сновидения (последнее выступает разве что аналогом грез для понимания существа галлюцинаций). Человек грезящий, условно говоря, есть существо безумное, способное на сознательное сумасшествие, вопреки алгоритмическому формально-логическому исчислению мира и человека в нем. В этом смысле человек поступает вопреки детерминизму природы и алгоритму, заложенному в умной цифре, предпочитая стратегию жизни в мире воображения, в мире сознательно выстраиваемой грезы, то есть образа будущего, не подчиняющегося цифре и алгоритму, а подчиняющемуся нравственному выбору верующего существа, принимающего алогичный характер действия в современном мире, и идущего наперекор этому абсурду.

Обоснованность научных выводов и рекомендаций

В работе дано обоснование радикальной разницы между метафизическим подходом (представленным в ее доктринальном натуралистическом изводе) и собственно антропологическим (представленным в ее неклассическом изводе).

Согласно первой стратегии человек дан (именно дан как объект среди сущего, как вещь среди вещей), детерминированный законами данного мира, в пределе, природными процессами. Согласно второй стратегии, собственно антропологической, задается иная точка отсчета, иная установка – видеть и понимать мир и человека не из мира, не из данного сущего, а из самого человека, изнутри его самого и осмыслять человека как собственную самость, которая сводится к тому, что человек есть существо грезящее, порождаемое иллюзивной материей, изнутри его субъективности. Тем самым вводится радикальный принцип понимания человека из него самого, но не как индивида, не психологически, а как грезящей реальности.

Тем самым речь идет не о новом объекте и не новом поиске новой сущности, а вводится иная оптика на человека, показывается иная стратегия понимания человека. Она может быть проблемной, даже ошибочной, не гарантирующей получение готового знания о человеке. Но доведя до предела (до абсурда) человеко-ориентированный подход, авторы концепции МАШ показывают иной горизонт, дающий надежду на избавление человека от господства техники, поскольку только образ жизни в мире галлюцинаций задает человеку шанс на преодоление детерминизма как природы, так и техники, преодоление принципа исчислимости сущего.

Тем самым показывается, что человек есть сингулярное событие, случающееся в мире. Это событие понимается как место, где заканчивается действие законов природы и начинается собственно человек, как невозможная, не детерминированная субъективность, порождающая себя самое собственным сознанием.

Замечания

Вместе с тем, как уже было выше сказано, данное исследование фактически представляет собой весьма рискованное предприятие. Мало того, что оно посвящено весьма авангардной концепции Ф. И. Гиренка. Но также соискатель заявил, что концепция МАШ показывает человеку свет в конце тоннеля, что она чуть ли не единственная указывает возможный путь из ситуации тупика и соблазна, в которую загнал себя сам человек. На этом рискованном пути встречаются капканы, ямы и расщелины, в которые можно неожиданно провалиться. Осознает ли соискатель эти риски? Понимает ли он всю рискованность своего предприятия? Насколько осознанно строит свой дискурс? Или он полностью отдался дискурсу Ф. И. Гиренка и ослепленный его магией, идя след в след своему поводырю, готов ввергнуться в пропасть, куда можно попасть очень быстро, потеряв рефлексивную позицию и перестав быть критически настроенным исследователем относительно своего предмета?

Хотелось бы в этой связи обратить внимание на ряд узких, проблемных мест, которые следует обсудить, уже в качестве продолжения научной дискуссии.

Классический и неклассический антропологический дискурс.

Я согласен с соискателем в той части, где он занимает также позицию сторонника неклассического антропологического дискурса. Именно потому, что этот дискурс помогает помыслить человека как событие мира, не детерминированное природными процессами, не редуцированное к набору функций, а представленное как поступающий ответственный за мир и за себя субъект. Для меня это понимание сродни мысли М. М. Бахтина, в его категориях поступающего бытия и участного мышления. Классическая антропология не позволяла этого делать, поскольку превращала человека в объект описания и строила по этому поводу очередную доктрину. Доктринальный объектный залог здесь не подходит. Понимая это, соискатель также приводит примеры других неклассических концепций, в частности, синергичную антропологию С. С. Хоружего, концепцию антропологической навигации С. А. Смирнова. Но как такового сравнения, полного и детального, сравнения этих концепция и концепта МАШ, соискатель не представил. Он не изложил оснований указанных концепций, не показал их концептуальный ряд, не указал их различия, и, главное, не показал, почему все же соискатель выбирает концепцию Ф. И. Гиренка? А надо было. Тем более надо было это показать, поскольку указанные авторы (и не только они) также искали выход из антропологического тупика и вырабатывали свои варианты антропологической альтернативы.

Ф. И. Гиренок и И. Кант.

Также следует согласиться с тем, что фигура И. Канта в антропологических поисках занимает принципиально важное место. Он фактически указал выход из доктринальной метафизики к человеку и сформулировал главный вопрос философии – «Что такое человек?», сведя все остальные вопросы к нему.

Но соискатель принципиально ошибается (вслед за Гиренком), полагая, что И. Кант совершил коперниканский переворот (по его словам), поворот к человеку, обратив взор на человека. Коперниканский переворот И. Кант совершил, введя трансцендентальный метод, благодаря которому преодолеваются пределы эмпирического опыта чувств и рассудка и совершается выход из пространства природы в пространство свободы. Этот переворот относился не к антропологии, а к эпистемологии, к теории познания. Этот выход был обозначен в рамках «Критики чистого разума». А далее были еще две Критики. Но выйдя в пространства свободы, И. Кант остановился. Он не стал отвечать на собственный вопрос о человеке. Четвертый вопрос для него выступал рамочным вопросом, режимом вопрошания, потому он и главный, поскольку это рамка, установка, задающая оптику мышления. Как помыслишь человека, так и будешь мыслить все остальное. Но далее И. Кант не пошел. То есть не стал строить метафизическую доктрину о человеке. Он предъявил в первой Критике основания для метафизики в области познания (то есть в рамках первого вопроса «Что я могу знать?»). Но далее трансцендентальный метод на человек не стал распространять. Он поставил рамку, задал вопрос, но не стал строить еще одну доктрину человека, концепцию о нем, поскольку понял, что несмотря на то, что человек существо свободное, способное совершать свободный поступок (согласно моральному закону, полагаемому как максима, в соответствии с категорическим императивом), но несмотря на это, познать свободу, Бога и бессмертие души невозможно. Да, человек как феномен (детерминированный природой) доступен познанию, но как ноумен (свободное существо) он познанию не доступен. Вот принципиальное ограничение, введенное И. Кантом. И оно актуально до сих пор. Никакой теории, концепции, доктрины свободы быть не может. Концепции и доктрины, в которых бы излагались механизмы свободы, невозможны. А люди, которые их сочиняют либо лукавят, либо роковым образом ошибаются. Создание очередной концепции о свободе чревато порождением

очередной иллюзии. А поэтому метафизика человека, по И. Канту, в которой были бы изложены последние вопросы и человек как последняя сама себе цель, невозможна.

Здесь можно согласиться с Ф. И. Гиренком и А. И. Булгаровым, относительно того, что И. Кант поставил границу, после которой был введен сугубо антропологический принцип, предполагающий понимание человека из самого себя, а не из законов природы и внешней среды.

В этом смысле, как пишет соискатель, решительный поворот И. Канта к а priori есть радикальный поворот к человеку. Но это обманка Ф. И. Гиренка и вслед за ним А. И. Булгарова. Никакого поворота априорный принцип к человеку не задает. А пока был задан поворот к математическому естествознанию, поворот, выводящий познающего субъекта к конструированию понятий. Ибо по И. Канту человек познает не природу, а конструкторы, созданные им для познания природных объектов согласно априорным правилам. Точнее, речь шла о конструировании идеальных объектов, которые субъект и познает.

Но вот здесь И. Кант и ставит предел. Именно конструктор человека для И. Канта и оказался невозможным. Вся свою теорию познания, так тщательно выстроенную им по таблице категорий, описанную в первой Критике, он и не смог применить относительно человека. Поскольку человек, как понял И. Кант, не конструктор. Потому что свобода не конструктор, а идея разума, главная вещь в себе, недоступная познанию, равно как Бог и бессмертные души. Но они, признает И. Кант, существуют как реальность и в них приходится верить как в морально доброе. Но этого А. И. Булгаров не показал.

Мышление и метафизика.

Красной нитью по всей концепции МАШ, точнее в работах ее лидера Ф. И. Гиренка, пролегает идея, согласно которой мышление – это не логика, это спонтанность. Мысль – это взрыв галлюцинаций, в силу чего и рождается сознание. Кто грезит, тот прокладывает новые пути, он мыслит. В этом

суждении заложена пресуппозиция, согласно которой выстраивается противопоставление формально-логического и спонтанного мышления. Мышление фактически, всякое мышление редуцируется к формальной логике, к правилам силлогизма, поэтому все испортил Аристотель, редуцировавший философию к метафизике. Здесь тоже совершена редукция: метафизика бывала разной. Метафизика, против которой боролся И. Кант, это метафизика догматическая, метафизика Вольфа, в отличие от которой метафизика самого И. Канта суть мышление о границах человеческого опыта, о том, каковы необходимые условия для всякой философии, и именно в рамках этой метафизики ставится вопрос «Что такое человек?». Так вот. Никто не заставляет Ф. И. Гиренка сводить все мышление к формальной логике, логике исчислений, согласно которой и сам человек может быть исчислен и изгнан из мира, против чего собственно и выступали, фактически одновременно и параллельно, не зная друг о друге, М. Хайдеггер, и М. М. Бахтин. Хотя последнего Ф. И. Гиренок вообще не замечает. А жаль.

Относительно парадигмы исчисления позиция Ф. И. Гиренка понятна и с ней можно согласиться. Но это всего лишь позиция сторонников парадигмы исчислений, современные представители которой, компьютеристы, полагают, что мышление имеет вычислительную природу, а потому допускают возможность создания модели искусственного интеллекта, в основании которой закладывается понимание мышления как набора вычислительных операций. Борьба с этой парадигмой можно и нужно, но сводить все мышление к этой парадигме неправильно. Тем более в отечественной традиции, например, в рамках культурно-исторического подхода (школа Л. С. Выготского), который МАШ также игнорирует, как будто ее не было, мышление понимается совсем по-другому. Фактически в МАШ произошла также редукция, но другого типа. Мышление у него было сведено к практике воображения, что не одно и то же.

Проблема Другого.

Этот пункт никак нельзя обойти стороной. Тема Другого – одна из сквозных тем в философии XX века. Кто только о ней не писал. Фигура Другого в разных версиях фигурирует в психоанализе, феноменологии, экзистенциализме, у самых разных авторов, у М. Бубера, Э. Левинаса, М. Хайдеггера, З. Фрейда, М. М. Бахтина и др. Но эту фигуру напрочь отрицает философия Ф. И. Гиренка. Человек должен освободить себя от Другого. Этот Другой мешает человеку понимать самого себя из самого себя. Хотя, если доводить до предела эту логику рассуждения, то мы попадаем в мир человека-аутиста, чего, впрочем, Ф. И. Гиренок не отрицает, а даже настаивает на том, что человек по природе своей и есть аутист. Этот, казалось бы, алогичный ход связан с тем, что человека нельзя понимать из природы, из социума, его надо понимать из собственной сэмости. А Другой только мешает этому. Другой – это источник неподлинного в человеке, тот, который заставляет человека смотреть на себя по-иному, через него в человека проникает зло.

Отчасти это можно принять, если вспомнить феномен «человека у зеркала» М. М. Бахтина. Человек, когда видит себя в зеркале, видит не себя и смотрит на отражение не своими, а чужими глазами, глазами чужого сознания. Он в этом смысле мыслит не сам, а на чужом языке, смотрит на себя чужими глазами, говорит и мыслит языком чужого сознания. Глаз успел наслоиться чужими социолектами. Но весь парадокс в том, что это значит, что мы смотрим на себя не глазами Другого, а глазами Чужого Другого. А нужен Свой Другой, доступный лишь в диалоге Я – Ты. В пределе свой Другой, онтологически Другой – это Бог. По М. Буберу, диалог Я – Ты возможен только с ним.

В работе соискателя в этой связи совсем отсутствует проблематика преодоления Чужого сознания посредством выхода в горизонт Другого как Ты, и проблематика того, как, например, обсуждалось это у М. Бубера и М. М. Бахтина.

Вместо этого в концепции МАШ вводится так называемое золотое правило антропологии, согласно которой только посредством «само» возможно говорить о человеке. Через самовоздействие, самоограничение, самоопределение. Но если у М. Бубера и М. М. Бахтина человек приходил к себе через общение с Другим (в пределе с Богом), то у Ф. И. Гиренка происходит общение человека со своей самостью. Никакой социальной, природной, технологической возможности для такого выхода к самому себе нет. Но это происходит как чудо. А чудо – это возможность невозможного.

Вывод не вполне научный и никак не обоснованный. В научном исследовании утверждается феномен чуда. Но одно дело, если проводится исследование феноменов сознания, в котором допускается феномен чуда. Здесь же речь идет о другом. Чудо становится научным аргументом. Человек может обретать новую опору через мысль грезящую, которая случается как чудо. А последнее возможно только через Бога.

Концепт МАШ пришел к собственной противоположности. Оказывается, в сингулярной антропологии нельзя без Бога. Но это, во-первых, тот самый Другой, от которого необходимо избавиться, по логике МАШ. Во-вторых, с Богом, как известно, вообще-то возможно личное богообщение посредством молитвенной практики. Только в таком виде Бог доступен человеку. Но об этом в концепте МАШ ни слова не сказано. А если говорится о человеке грезящем, то получается, что и Бог есть грёза человека. Не реальная совершенная личность Иисуса Христа, не онтологически иное человеку начало, а грёза, то есть плод воображения человека. А это в корне не верно. Бог есть онтологически иное человеку, другая реальность, не порождаемая человеком, но с которой человек вступает в личное общение. Если же Бог грезится человеку, то получается, что он плод его воображения.

То есть, делать человеку ничего не надо. Надо лишь надеяться на чудесное спасение, надеяться на то, что его грёзы приведут к чудесному избавлению его самого от чужести зла. Странные выводы. Они, конечно,

тоже возможны, но уже за пределами собственно философского научного исследования.

Человек и вера.

Но в таком случае как можно верить в Бога как в плод воображения? Соискатель вслед за Ф. И. Гиренком приходит парадоксальным образом к религии, к вере в Бога. В стремлении найти основания для человека, попавшего в антропологический тупик, авторы сингулярной антропологии приходят к Богу. Так А. И. Булгаров и пишет. Как можно понимать движение МАШ к религиозной мысли? Как движение к обретению необходимых оснований. Как стремление обрести почву. Заметим, почву вне себя, вне человека. Почва лежит в онтологически ином основании, в Боге. И без веры в Бога, пишет А. И. Булгаров, жизнь человека теряет свою абсолютную ценность.

Можно как угодно трактовать религиозный опыт, и это, кстати, тоже наука, богословие, чего не скажешь в данном случае. Здесь мы не видим выхода в исследовательскую позицию. В этой части работы мы видим сплошные метафоры и образы, но только не аналитику опыта. В лучшем случае – отсылки к другим авторам. Здесь вдруг появляются в том числе русские религиозные философы, как, например, Е. Н. Трубецкой, которого цитирует А. И. Булгаров, согласно которому человек не может оставаться только человеком, он должен либо подняться над собой, либо упасть в бездну, вырасти либо в Бога, либо в зверя.

Надо сказать, это было давно известно, и А. И. Булгаров это только подтверждает, ссылаясь на Августина. В итоге представители сингулярной антропологии недвусмысленно заявляют, что тайну человека нельзя понять без веры в Бога. Надо сказать, что здесь аргументация у А. И. Булгарова сугубо не своя, чужая, даже не из Ф. И. Гиренка. А цитаты, используемые здесь, берутся из других авторов, из М. Бубера, Ф. М. Достоевского, Августина, Е. Н. Трубецкого и др. Но именно как цитаты, а не как научные аргументы.

В итоге, коль скоро вера суть феномен не разумного действия, а действия чудесного, это вера в невозможное, в пределе вера в абсурд, мы приходим к старой идее Тертуллиана (верую, ибо абсурдно). И Ф. И. Гиренок это принимает! Что в корне противоречит исходной интенции МАШ, согласно которой человек должен понимать себя из самого себя, из своих грёз, преодолевая мышление, поскольку последнее ввергает человека в чужую парадигму исчислений и чревато исчезновением.

Понятие философской школы.

Если речь идет о Московской антропологической школе, то вроде бы должна идти речь о ряде авторов, а не только об одном лидере Ф. И. Гиренке. И в таком случае необходимо вводить понятие – что такое философская школа. Однако понятие Школы (научной школы) не введено. В то же время нужно обоснование, что такое философская школа, что такое МАШ как философская школа. Этому, кстати, были посвящены много работ (например, давняя работа Т. Васильевой по феномену античной философской школы), чем отличается школа от научного кружка и т.д. Необходимо было обосновать МАШ не как концепцию Ф. И. Гиренка, а именно как научную философскую школу. И ставить здесь проблему рождения, становления и умирания современных философских школ. Жаль, что это сделано не было.

Новый горизонт. Найдены ли выход?

В итоге выход в сингулярной антропологии видится в обращении человека к самому себе, как если бы он был целью сам по себе. В этом самообращении человека к самому себе, указывает А. И. Булгаров, через субъективность, от сознания к самости и наоборот, будет состоять главная особенность сингулярной антропологии. Не к разуму (как у И. Канта, полагает Ф. И. Гиренок), не к бытию (как у Хайдеггера), а к самому себе, к тому, что у человека есть не от природы, бытия и прочего внешнего сущего, а от самого себя.

А что значит самого себя? Это значит, из собственных грёз, галлюцинаций. Галлюцинировать – значит выходить за пределы сущего,

наличного, внешнего. С тем, чтобы расширить свой горизонт и обрести опору спасения, избавления от господства техники. С тем, чтобы по собственному произволу своих грёз начинать новую жизнь, которая ведет не к бытию, а к человеку. Именно посредством грёз человек совершает поворот к себе и переходит к истинным основаниям, нематериальным, традиционным ценностям, которые лежат в религиозном опыте, в вере в Бога.

Именно вера, в пределе, вера в Бога является для сингулярной антропологии адекватной формой и условием возможности существования человека в мире. И в этом есть человек как цель в себе, путь к себе, а крепкая вера является условием возможности движения к этой цели, условием возможности ясных мыслей и твердых оснований.

Вообще-то не было нужды строить целый концепт сингулярной антропологии, чтобы прийти к этому выводу. Он давно известен, уже более двух тысяч лет. Этот вывод выбивает почву из-под самой концепции МАШ, поскольку вера в Бога не может быть по определению опытом галлюцинаций. И человек верующий не есть человек грезящий. А Бог не может быть порождением грёз. Но это уже предмет дискуссии. Он не относится к собственно предмету данной диссертации. Как соискатель А. И. Булгаров донес до нас предельно ясно позицию авторов сингулярной антропологии и тем самым выполнил свои задачи.

Подобных дискуссионных моментов в диссертации много. И главный момент связан с тем, что соискатель А. И. Булгаров, с одной стороны, демонстрирует детальные и глубокие знания предмета, квалификацию исследователя как знатока концепции МАШ, но, с другой стороны, эта квалификация мешает ему самому отойти от собственного предмета, от концепции МАШ, с тем, чтобы занять позицию независимого исследователя, анализирующего пределы и основания этой концепции, что собственно в целях исследования и было заявлено. Соискатель периодически впадает в сильную зависимость не только от понятийного и образного строя концепции Ф. И. Гиренка, но даже и от его логики, стиля, примеров, аргументации. В

итоге А. И. Булгаров периодически становится не исследователем, а адептом концепции, что ему самому мешает решать собственные задачи, которые он же себе и поставил.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости и достоинств диссертационного исследования.

Фактически указанные замечания, как ни странно, не относятся к данной диссертации, хотя может показаться и обратное. Данные замечания относятся больше к концепции МАШ и носят характер вопрошания в рамках научной дискуссии, имеющей смысл для дальнейших исследований и поисков. Тем и важно данное исследование, являющееся фактически пионерским. Оно выявило проблемные места концепции МАШ и ее крайнюю радикальность, авангардность. И тем самым показало принципиальную важность и необходимость подобных поисков. Квалификация соискателя позволила эти места показать, выставить, обнажить, обозначив дальнейшую перспективу для новых работ.

Необходимо отметить, что исследование А. И. Булгарова является глубоко самостоятельным, отличается оригинальным, авторским стилем, цели и задачи исследования достигнуты, соискатель показал высокую квалификацию философа-исследователя и глубокие знания по данной проблематике.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Булгаров Александр Ильич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, доцент,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
главный научный сотрудник отдела философии

Смирнов
Сергей Алевтинович

С. А. Смирнов

04 июня 2024 года

Контактные данные:

тел.: priem@philosophy.nsc.ru, +7 (383) 330-09-75.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

09.00.13 – Философия и история религии, философская антропология, философия культуры

Адрес места работы:

630090, Новосибирск, улица Николаева, 8.

ФГБУН Институт философии и права СО РАН

Тел.: priem@philosophy.nsc.ru, +7 (383) 330-09-75

Подпись С.А. Смирнова удостоверяю:

«04» июня 2024 г.

